Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/zhizn-orthodox-life_1950-01_1

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православ. Русь".

1

ЯНВАРЬ 1950 JANUARY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Крещеніе Господне на Руси, Е. Поселянина 3
Крещеніе Господне, стихотвореніе О. Чюминой 6
Памяти о. Іоанна Кронштадтскаго, В. Звѣрева 8
У преп. Серафима за годъ до его кончины, Надежды Аксаковой. 15

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Русскій мальчикъ въ Святой Землѣ, Миши Гаврилова 22
Наташинъ сонъ, Галины Дейницыной 27

Училище благочестія.

Молитва Іеросхимонаха Парѳенія Кіевскаго 32
Боговдохновенное христіанское наставленіе Св. Димитрія Ростовскаго 33
Воротись, не туда пошелъ. Св. Тихона Задонскаго 34
Новогоднее наставленіе Патріарха Тихона 35
Письма къ мірянамъ, епископа Игнатія Брянчанинова 36

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

МИТРОПОЛИТЪ АНАСТАСІЙ. Нравственный обликъ Пушкина. Цѣна 30 цент.

МОНАХИНЯ В. Какъ я пришла къ Богу. Цѣна 10 цент.

ИМѢЕТСЯ НА СКЛАДѢ:

«ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ». Ежемѣсячный журналъ, издающійся при Архіерейскомъ Синодѣ Русской Православной Церкви заграницей. Журналъ содержитъ помимо оффиціальной части разнообразный богословскій и церковно-информаціонный матеріалъ. Имѣются номера начиная съ сентября 1947 г.

Цѣна отд. номера 30 цент.

— * * * —

КРЕЩЕНІЕ ГОСПОДНЕ НА РУСИ.

Въ день Крещенія Господня по всему пространству Руси совершаются крестные ходы къ воднымъ источникамъ, — рѣкамъ, озерамъ и прудамъ, — тамъ, гдѣ они расположены близъ церквей. Въ эти воды, текущія или стоячія, погружается крестъ при пѣніи тропаря празднику Крещенія: «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Троическое явися поклоненіе». И всякое такое собраніе водъ знаменуетъ собою для вѣрующихъ ту священную рѣку Іорданъ, въ струи

которой погрузился Христосъ Своимъ пречистымъ тѣломъ, тогда какъ съ небесъ Отчій гласъ свидѣтельствовалъ о Немъ. И — вотъ, понятно желаніе вѣрующихъ погрузиться въ священныя воды немедленно послѣ погруженія въ нихъ креста. Много народа разнаго пола и возраста, — дѣти, подростки, старики, бабы, отцы семействъ,молодухи, — послѣ освященія воды прыгаютъ въ приготовленныя для торжества проруби, порывомъ вѣры переносясь къ завѣтной, священной для христіанъ рѣкѣ — Іордану.

Поразительна необычайно въ этихъ людяхъ ихъ смѣлость, рѣшимость.

Время Крещенія Господня совпадаетъ съ самымъ разгаромъ зимы, съ самыми трескучими «крещенскими» морозами. Раздѣться на такомъ морозѣ, который достигаетъ иногда 20 градусовъ, на снѣгу или на льду, кинуться въ застывшую, плотную отъ мороза воду, и выскочить оттуда, одѣться мокрымъ въ прохваченное за это время морозомъ платье, — для этого нужна, конечно, большая вѣра въ чудесную силу Іорданской воды.

И вѣра эта дѣлаетъ чудеса, такъ какъ, повидимому, не было случая, чтобы люди, погруженные въ Іордань, простужались и умирали, тогда какъ купанье въ ту пору непривычнаго человѣка въ такой же неосвященной водѣ закончится для такого купальщика въ высшей степени печально.

Мнѣ приводилось быть въ концѣ нашей зимы, въ началѣ марта, въ Палестинѣ, и тихимъ вечеромъ стоять у завѣтной священной рѣки, а потомъ съ челнока погружаться въ ея темныя и быстрыя воды.

Было тепло, чтобы не сказать жарко. Я вспоминалъ о времени, проведенномъ мною по сосѣдству съ Палестиной, въ Египтѣ, гдѣ зимой цвѣтутъ въ грунтѣ розы и даже по ночамъ вы можете выходить такъ, какъ вы сидите въ комнатѣ. Я представлялъ себѣ картину купанья въ теплый палестинскій день 6-го января нашихъ русскихъ паломниковъ. Воды Іордана являются для нихъ не только животворящими, но и согрѣвающими ихъ.

Потомъ я часто вспоминаю о другомъ, русскомъ, священномъ источникѣ, о которомъ когда-то въ неизданномъ нигдѣ славословіи Серафима Саровскаго я читалъ такія слова: «Источника Твоего воды древнія Виѳезды славнѣйшія и сильнѣйшія показуются». Это тотъ замѣчательный цѣлебный источникъ преподобнаго Серафима, который, по преданіямъ, открылся явленіемъ дивному старцу Пресвятой Богородицы . . . Она, явившись къ старцу, ударила жезломъ по землѣ, и изъ земли выступилъ источникъ. Преподобный чрезвычайно любилъ его, раздавалъ богомольцамъ воду изъ него и всегда говаривалъ: «Радость моя, я молился, чтобы вода сія изъ источника была цѣлительной отъ болѣзней».

Воды этого источника одарены, дѣйствительно, изумительной силой. Вода эта, какъ крещенская, не портится, хотя бы стояла долгіе годы въ сосудѣ. Были случаи прозрѣнія отъ нея слѣпыхъ, быстраго исцѣленія самыхъ застарѣлыхъ тяжелыхъ недуговъ. И когда держишь въ рукахъ бутылочку, какія продаются въ Саровѣ, съ выпуклыми на ней буквами изъ славословія преподобнаго Серафима Саровскаго, словно слышишь ласковый надъ собою шопотъ старца: «Радость моя, я молился, чтобы вода сія въ источникѣ была цѣлительной отъ болѣзней».

Вотъ, свидѣтельство одного чтителя памяти великаго старца:

Одно изъ посѣщеній моихъ завѣтнаго Сарова относилось къ первымъ днямъ 1903 года, а черезъ полгода должно было состояться церковное прославленіе старца, и второго января *) должно было происходить послѣднее торжественное годичное заупокойное поминовеніе восходящаго въ русскомъ небѣ новаго святого.

Хотѣлось въ эту ночь семьдесятъ третей его годовщины стоять въ той кельѣ, гдѣ, наединѣ предъ Богомъ, отъ многотруднаго подвижническаго тѣла разрѣшалась душа, когда сонмы ликующихъ ангеловъ слетѣли по душу великаго праведника, куда спускалась къ нему съ неба, для длинной бесѣды, Царица неба и земли, гдѣ столько страждущихъ людей получили разрѣшеніе своихъ недоумѣній, больные исцѣленіе и падающіе возстановленіе . . . И потомъ въ этотъ же день, послѣ обѣдни и панихиды, мнѣ хотѣлось искупаться въ водахъ чудотворнаго источника.

Теперь надъ Саровскимъ источникомъ построено крытое зданіе съ теплой большой комнатой для раздѣванья, а тогда это мѣсто было просто огорожено стѣнами подъ открытымъ небомъ.

Годъ до того я былъ при смерти боленъ брюшнымъ тифомъ и сильнымъ плевритомъ обѣихъ сторонъ, и для излѣченія провелъ весну и лѣто на югѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, говоря по-человѣчески, купаться въ Саровскомъ источникѣ, въ которомъ и лѣтомъ только пять-шесть градусовъ тепла, купаться на морозѣ, который доходилъ въ тотъ день до 15-ти градусовъ, казалось явнымъ безуміемъ, особенно послѣ перенесенной болѣзни. Но, именно, жажда укрѣпленія силъ и приводила меня къ этому источнику, и именно — стоявшая тогда суровая зима, съ ея бѣлыми снѣгами, и давала мнѣ возможность выказать дивному чудотворцу свою вѣру.

Безъ страха, съ какой-то рѣшимостью, освободившись отъ одежды, я нѣсколько разъ взбѣгалъ по лѣстницѣ въ тотъ вдѣланный въ землю столбъ, въ которомъ расположенъ желобъ для стекающей сверху воды источника. Надо стать подъ желобъ на колѣни, дернуть за кольцо, и тогда нестерпимо холодная струя обдаетъ васъ съ головы. Холодная вода сверху, морозъ вокругъ, оледенѣ-

*) День блаженной кончины Преподобнаго.

лыя доски подъ ногами: такова была обстановка этой необыкновенной минуты.

Но чѣмъ холоднѣе было вокругъ, тѣмъ болѣе жаркая вѣра согрѣвала сердце. Неизъяснимая легкость была послѣ обливанія этой водой въ тѣлѣ, отъ котораго столбомъ шелъ густой паръ. Наскоро одѣвшись въ застывшія отъ мороза одежды, я даже не имѣлъ возможности идти пѣшкомъ въ монастырь, а поѣхалъ на ожидавшей меня лошади.

По-человѣчески говоря, я долженъ былъ слечь послѣ этого въ постель и въ скоромъ времени умереть. Между тѣмъ, никогда въ жизни я не чувствовалъ такой легкости во всемъ тѣлѣ, такого прилива свѣжихъ силъ, какъ послѣ этой поѣздки въ Саровъ.

Я думаю, что то же испытываютъ и всѣ тѣ люди, которые, не взирая на человѣческія соображенія, безстрашно погружаются въ холодныя струи русскихъ «Іордановъ» и выносятъ не тяжелыя болѣзни, простуду и ревматизмы, а обновленіе своихъ силъ.

Е. Поселянинъ.

КРЕЩЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

I.

Среди песковъ пустыни Іордана,
Гдѣ высятся ряды угрюмыхъ скалъ,
Гдѣ бродитъ волкъ голодный и шакалъ,
Звучала рѣчь святая Іоанна,
Какъ къ покаянію народному призывъ.
Толпы людей, какъ волнъ морскихъ приливъ,
Стекалися къ убѣжищу Предтечи
И слушали пророческія рѣчи
Отшельника. Постами изможденъ,
Питаяся акридами и медомъ
И власяницею суровой облеченъ —
Святой пророкъ являлся предъ народомъ,
И въ пламенныхъ, бичующихъ словахъ
Училъ его и обличалъ въ грѣхахъ.
Когда жъ избралъ, какъ символъ очищенья,
Онъ таинство великое крещенья, —
Увѣровавъ въ ученіе его,
Шли многіе креститься у него.

*
* *

Подъ знойными полдневными лучами,
Въ палящій жаръ, и длинными ночами,
Когда среди пурпуровыхъ небесъ
Свѣтила кажутся огнистыми шарами,
И издали, гдѣ темныхъ скалъ навѣсъ
Виднѣется, несется завыванье
И ревъ звѣрей — въ спокойномъ созерцаньи
Онъ откровенье высшее постигъ.
Онъ обличать виновнаго привыкъ,
Кто бъ ни былъ онъ — бѣднякъ, богачъ иль воинъ.
Онъ возвѣщалъ пришествіе Того,
Кому ремень отъ обуви Его
Онъ развязать во прахѣ недостоинъ.
Онъ говорилъ собравшимся о Томъ,
Кто сотворитъ крещеніе огнемъ
И Духомъ Пресвятымъ, о Томъ — Непогрѣшимомъ,
Кто въ житницу пшеницу соберетъ
Лопатою, солому же сожжетъ
Онъ на огнѣ Своемъ неугасимомъ.

II.

И вотъ, когда минуло тридцать лѣтъ
Спасителю, оставивъ Назаретъ,
Ко проповѣди этой и крещенью,
Къ суровому и чистому ученью,
Пришелъ и Онъ. Пророкъ не зналъ Христа,
Но такъ была безгрѣшна и чиста,
Спасителя святая красота,
И нѣчто столь высокое въ Немъ было
И свѣтлое, что душу поразило
Отшельника величіемъ своимъ.
Когда Христосъ явился передъ нимъ
У береговъ цвѣтущихъ Іордана!
Любовь и страхъ объяли Іоанна,
И онъ, что былъ къ грѣху неумолимъ,
Святой пророкъ, кидавшій обличеньемъ
Въ лицо царямъ, — охваченный смущеньемъ,
Ничтожнымъ вдругъ почувствовалъ себя
Предъ Іисусомъ. — Надо отъ Тебя

Креститься мнѣ, о Господи, и Ты ли
Пришелъ ко мнѣ? — въ волненіи твердили
Его уста, его смиренный видъ.
Но отвѣчалъ Спаситель благодушно:
— Оставь теперь, зане такъ надлежитъ
Намъ истину исполнить! — И послушно
Онъ Господа велѣнье совершилъ.

*
* *

Когда жъ изъ волнъ Спаситель выходилъ —
Въ сіяніи открылся сводъ небесный,
И голубемъ въ лазури голубой
Надъ Нимъ съ небесъ спустился Духъ Святой
И свыше гласъ послышался чудесный:
— Сей есть Мой Сынъ возлюбленный, на Комъ
Покоится Мое благоволенье! —
И понялъ Іоаннъ: то было откровенье,
И преклонился Онъ предъ Господомъ Христомъ! . .

О. ЧЮМИНА.

ПАМЯТИ О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО *)

«Поминайте наставники ваша, яже глаголаша вамъ слово» (Ап. Павелъ, Евр. 13, 7).

Въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія отецъ мой занималъ профессорскую каѳедру при Московскомъ Университетѣ. Семья наша состояла изъ отца съ матерью и пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ я былъ старшимъ. Годамъ къ 8-9-ти родителями моими были замѣчены какіе-то недочеты въ моемъ развитіи. Это повлекло медицинское вмѣшательство. Товарищи и друзья моего отца — врачи и профессора медицины удѣлили мнѣ много вниманія. Дѣло шло о носоглоточной области, гландахъ и железахъ, дѣйствовавшихъ ненормально и пагубно вліявшихъ на весь организмъ. Предпринятое лѣченіе не дало желаемыхъ результатовъ, и съ об-

*) День блаженной кончины 20 декабря.

щаго согласія было рѣшено произвести операцію по удаленію злополучныхъ гландъ. Сдѣлать операцію взялся профессоръ, Станиславъ Федоровичъ Штейнъ.

Произведенная на дому операція протекала довольно болѣзненно. Два-три дня, проведенныя въ постели, оказались недостаточными. Вылежавъ довольно долго, выросшій и похудѣвшій, я всталъ съ постели, къ безпокойству меня окружавшихъ, съ искривленной шеей. Голова моя оказалась пригнутой къ лѣвому плечу, и всѣ попытки утвердить ее прямо причиняли мнѣ сильныя боли. Были пущены въ ходъ всѣ средства — массажъ, электризація, металлическій, подложенный замшей ошейникъ... Чего только надо мной ни дѣлали... Однако, все это мало помогало. Голову поднять не удалось и всѣ мѣропріятія были оставлены. Мнѣ грозила участь навсегда остаться уродцемъ. Болей не было. Радуясь тому, что меня оставили въ покоѣ, я не замѣчалъ постигшаго меня несчастья.

Родители мои, конечно, смотрѣли иначе. Мать моя не могла безъ слезъ видѣть мою убогую фигурку. Отецъ хмурился. Совѣтовался съ кѣмъ только было можно. Дома шли разговоры о необходимости везти меня заграницу къ какой-то знаменитости... Ничего этого не понадобилось.

— — —

Вывезенная еще изъ деревни — всѣхъ насъ, дѣтей, вынянчившая прислуга была удручена моимъ недомоганіемъ не меньше отца съ матерью; жалѣла меня и моихъ родителей и въ своемъ кругу много толковала о случившемся. Съ наступившей весной, на фонѣ ликующе-радостнаго возрожденія всей природы, убожество мое было какъ-то особенно прискорбно. Въ одинъ прекрасный день кѣмъ-то изъ нихъ было сообщено моей матери объ ожидаемомъ пріѣздѣ въ Москву батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, имѣвшаго пробыть въ городѣ очень недолго. Домочадцы наши настаивали на необходимости поручить меня молитвамъ тогда уже хорошо извѣстнаго служителя Божія, и выражали непреложную увѣренность въ дѣйствительности предлагаемой мѣры.

Семья наша была вѣрующая. Всѣ выросли и были воспитаны въ добрыхъ правилахъ Православія. Мать неукоснительно смотрѣла за тѣмъ, чтобы въ домѣ соблюдались полагающіеся истовость и порядокъ въ отношеніи требованій Церкви. Всѣ у насъ аккуратно говѣли, пріобщались, отстаивали всенощныя бдѣнія и обѣдни безъ всякихъ поблажекъ. Посты, преданія и обычаи хранились свято... Однако, въ семьѣ нашей была замашка какъ бы сторониться выходящихъ изъ ряда вонъ явленій религіознаго порядка. Дѣйствовалъ не духъ отрицанія, но осторожность, диктуемая боязнью нарушить цѣлость и равновѣсіе душевной жизни. Въ домѣ нашемъ были

достаточно извѣстны случаи семейныхъ раздоровъ — слѣдствіе увлеченія однихъ обрѣтеннымъ духовнымъ руководствомъ и страстныхъ протестовъ такового признать не желавшихъ. Про о. Іоанна знали, что къ нему ѣхали и обращались со своими немощами, печалями, заботами и душевными тревогами люди со всѣхъ концовъ Россіи . . . Было извѣстно, что всѣ прибѣгавшіе къ о. Іоанну не только получали искомое успокоеніе, помощь и разрѣшеніе мучившихъ ихъ совѣсть вопросовъ, но и становились его духовными дѣтьми, безпрекословно принимавшими къ исполненію его указанія и руководство. Послѣднее обстоятельство и заставило иныхъ отгораживаться отъ возможнаго въ такихъ случаяхъ раздвоенія душевнаго: обращаясь за совѣтомъ къ опыту духовнаго руководителя, обращающійся тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ заранѣе обязательными для него всѣ указанія таковаго. Если указанія приходятся не по сердцу и не согласны съ намѣреніями обращающагося — уклоненіе отъ испрошеннаго руководства раждаетъ чувство недовольства самимъ собою и душевной тревоги . . . Примѣрно, такъ думали и мои отецъ съ матерью.

Я хорошо помню, какъ мать сообщила отцу о своемъ рѣшеніи повидать о. Іоанна. Отецъ возраженій не сдѣлалъ, но было замѣтно, что самъ онъ воздержался бы отъ такого шага. — На что ты, собственно, Надя, надѣешься?—Коротко спросилъ онъ. «На милость Божію» — Въ такомъ случаѣ, конечно . . . Однако? Если твои ожиданія не сбудутся? «Это ужъ, какъ Богу угодно будетъ», рѣшительно отвѣтила мать. Къ вечеру стало извѣстно, что о. Іоаннъ завтра долженъ служить въ домовой церкви одного изъ богоугодныхъ заведеній первопрестольной, — помнится, во Вдовьемъ Домѣ гр. Шереметевой, — очень не близко отъ нашей квартиры.

Раннимъ утромъ, напутствуемые добрыми пожеланіями всѣхъ нашихъ домочадцевъ, мы съ матерью поѣхали по указанному адресу. Солнце, зелень распустившихся деревьевъ на бульварахъ, дышущихъ еще ночной свѣжестью, веселый стукъ колесъ извозщичьей пролетки по булыжной мостовой — все меня тогда необыкновенно заняло и навсегда запечатлѣлось въ памяти.

Во дворѣ церкви мы наткнулись на громадную толпу. Храмъ не вмѣщалъ желающихъ туда проникнуть. Надежды пробиться къ о. Іоанну не было. Разговоры съ людьми, оказавшимися въ такомъ же, какъ мы, положеніи, привели къ рѣшенію отстоять службу на воздухѣ и попытаться приложиться ко кресту по ея окончаніи.

Стоять пришлось долго. Я усталъ и порядочно соскучился. Наконецъ, окружавшая церковный входъ толпа пришла въ движеніе. Изъ церкви начали выходить стоявшіе тамъ службу, а навстрѣчу имъ потекли потоки ждавшихъ своей очереди подойти ко

кресту. Давка и толкотня, какъ водится, поднялись ужасныя. Стараніями вошедшихъ въ положеніе наше, мы съ трудомъ пробились въ церковь, но должны были долго простоять гдѣ-то въ сторонкѣ, пока вокругъ отпускавшаго народъ о. Іоанна толпа не порѣдѣла и не открылась возможность подойти къ нему.

Вокругъ о. Іоанна стояли полукругомъ задержавшіеся его почитатели, желавшіе насладиться лицезрѣніемъ любимаго батюшки. По ярко освѣщенному солнцемъ храму размѣстились отдѣльными группами ожидавшіе его выхода, чтобы при проводахъ успѣть получить его благословеніе. Самъ о. Іоаннъ — сухощавый, живой, съ рѣзкими движеніями, стоялъ на нижнихъ ступеняхъ солеи и, подавая крестъ направо и налѣво, обмѣнивался съ подходившими отрывистыми словами, налету подхватываемыми окружавшими.

Мы подошли чуть не послѣдними. О. Іоаннъ обернулся въ нашу сторону и вопросительно посмотрѣлъ на обоихъ. Неожиданно лицо его озарилось веселой улыбкой и глаза засіяли лаской. — Наконецъ-то! А, вѣдь, я васъ давно жду . . . Смущаясь передъ лицомъ окружавшаго насъ народа, мать попыталась наскоро объяснить цѣль нашего посѣщенія. О. Іоаннъ какъ бы не слушалъ. Онъ наклонился ко мнѣ съ крестомъ и положилъ руку мнѣ на голову. —Да, что это у тебя съ головой? — заглянулъ онъ мнѣ въ лицо сверху. — А, ну! Подними головку! Ничего . . . ничего . . . Все хорошо будетъ . . . Не могу ничего сказать про мое ощущеніе, но впослѣдствіи я узналъ отъ матери, что, къ ея неописанной радости, я голову поднялъ. Отецъ Іоаннъ далъ мнѣ приложиться ко кресту, гладилъ по головѣ, обмѣнялся краткими рѣчами съ матерью и ласково похвалилъ ее за то, что мы у него побывали.

Мать была потрясена и не находила словъ, чтобы выразить свои чувства. Да это было и не нужно. — Благословите, Батюшка . . . (Она подвинула меня къ о. Іоанну) — на всю жизнь! . . Отецъ Іоаннъ широко благословилъ насъ обоихъ. «Ступайте съ миромъ . . . А я еще попомню . . . Нужно будетъ, непремѣнно вспомню», ласково погладилъ онъ меня по головѣ на прощанье. Онъ подалъ намъ крестъ вторично и обратился къ слѣдующимъ.

Я помню, какъ затолпились вокругъ насъ предстоявшіе. Помню слезы радости и умиленія на окружавшихъ насъ лицахъ. Меня цѣловали, обнимали. Наперебой обращались къ матери. Кто-то совалъ мнѣ въ руку просфорку . . . Неожиданно всѣ хлынули куда-то въ сторону. О. Іоаннъ выходилъ изъ алтаря южными дверями. Онъ успѣлъ разоблачиться и направлялся къ выходу. Всѣ повалили слѣдомъ, наперерыв подставляли руки подъ благословеніе. На паперти о. Іоанна задержали ждавшіе его появленія на воздухѣ. Онъ съ трудомъ пробился къ ждавшему его извозчику. Послѣдняго

окружали. Люди становились на подножки, хватались за экипажъ и бѣжали слѣдомъ.

Обратный путь нашъ былъ радостенъ и свѣтелъ. Мать дорогой принималась цѣловать меня, повторяя, чтобы я навсегда запомнилъ, что сдѣлалъ для насъ о. Іоаннъ. Везшій насъ извозчикъ раздѣлялъ нашу радость. Я вертѣлъ головой во всѣ стороны, не испытывая ни боли, ни неловкости. Радостно были мы встрѣчены и дома. Атмосфера царила чисто пасхальная. За малолѣтствомъ у меня не сохранились въ памяти сужденія и разговоры старшихъ по поводу описаннаго. Потомъ мнѣ пришлось узнать, что таковыхъ было много. Представители медицины разводили руками. Люди попроще радовались съ нами въ простотѣ сердца и благодарили Бога, посылавшаго Россіи такихъ пастырей, какъ о. Іоаннъ.

Свое обѣщаніе меня вспомнить о. Іоаннъ сдержалъ при удивительномъ стеченіи обстоятельствъ . . .

Жизнь текла своимъ чередомъ. Разогнувшаяся шея выправилась окончательно. Мы оставались въ Москвѣ. О. Іоаннъ подвизался въ Кронштадтѣ. Слава его ширилась. По временамъ до насъ доходили вѣсти о чудесныхъ случаяхъ его предстательства предъ Богомъ. Появились его портреты, бережно хранимые почитателями. Не было недостатка и въ осужденіяхъ и убогихъ остротахъ по его адресу. Въ этомъ направленіи изощрялись молодежь, студенчество и представители либерально-реальнаго образа мышленія.

Въ девятисотыхъ годахъ отецъ мой покинулъ профессорскую дѣятельность, перейдя на службу по администраціи. Мы переселились въ Петербургъ. Я и братъ были отданы въ гимназію. Кончилось дѣтство, наступило отрочество.

Жизнь измѣнилась. Близость къ церкви стала слабѣе. Не потому, чтобы что-нибудь измѣнилось въ нашихъ воззрѣніяхъ, а потому, что весь складъ жизни чиновничьяго Петербурга кореннымъ образомъ разнился отъ склада московскаго. Церквей въ Петербургѣ было сравнительно мало. Звона колокольнаго почти не слышно. Рачительно посѣщающее церкви населеніе само по себѣ замкнуто и несклонно къ приходскому общенію. Благочиніе въ Петербургскихъ храмахъ, сказать кстати, крѣпче. Москвичи со своими святынями обращаются гораздо свободнѣе. Москвичъ идетъ въ церковь и чувствуетъ, что церковь эта своя. Москвича въ церкви окружаютъ знакомыя привычныя лица. Онъ чувствуетъ себя «дома», неписаннымъ членомъ живой общины — прихода. Петербуржецъ въ церковь «является». Составъ посѣтителей храма постоянно мѣняется; общенія взаимнаго нѣтъ, и прихода, какъ органическаго тѣла, не чувствуется . . . Все это, а равно и подмѣченныя нами маленькія особенности петербургскаго церковнаго быта, произвело на

насъ, дѣтей, неблагопріятное впечатлѣніе. Мы чувствовали себя предоставленными самимъ себѣ, какъ бы гостями въ храмѣ Божіемъ. Теплоты и близости московскихъ церквей мы въ Петербургѣ не обрѣли. Много пришлось прожить лѣтъ въ Сѣверной Пальмирѣ, пока мы тамъ сжились и ко всему привыкли и научились любить нашъ ни съ чѣмъ не сравнимый градъ Петровъ «полнощныхъ странъ красу и диво» . . . Тогда, бывая въ Первопрестольной, мы каждый разъ испытывали чувство возвращенія въ родную сторону, спѣшили обойти завѣтные уголки, побывать тамъ, гдѣ когда-то пробудилась наша душевная и духовная жизнь. Мы рано узнали цѣну воспоминаніямъ.

Въ Петербургѣ отошли отъ насъ и сирые и убогіе, простые сердцемъ. Не стало близости къ народу. Народъ въ Петербургѣ такой же чинный, какъ и чиновничество. Каждый живетъ своимъ кругомъ и съ другими отношеній, кромѣ дѣловыхъ и служебныхъ, не имѣетъ. Привычки къ многогранной пестротѣ московскаго быта изживались трудно. Мы съ братомъ скучали, не умѣя дать объясненій угнетавшему насъ чувству разобщенія съ народной толщей. Но время шло. Я уже былъ студентомъ. Жизнь текла ровно. Мы съ братомъ имѣли благоразуміе дорожить совѣтами отца и матери и не спѣшили «эмансипироваться». Довѣріе между «отцами» и «дѣтьми» царило полное. Это избавило насъ отъ многаго. Мы сохраняли ясность души и чистоту воображенія. Соблазны молодости скользили мимо. Не столько въ силу преподанныхъ правилъ, сколько въ силу здоровой домашней обстановки, множеству всевозможныхъ интересовъ, ненасытной страсти къ чтенію и возможности общенія съ людьми высокой культуры и образованности.

Не смотря на близость Кронштадта, ни съѣздить туда, ни побывать у о. Іоанна случая какъ-то не представилось. Видѣть его мнѣ пришлось нѣсколько разъ случайно и издали, во время его нечастыхъ пріѣздовъ въ столицу. Приходилось иногда слышать въ обществѣ всевозможныя о немъ сужденія — по большей части благопріятныя. Доводилось слышать и мнѣнія старообрядцевъ, ласково посмѣивавшихся надъ горячностью о. Іоанна и относившихся къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Но напасть на людей о. Іоанну близкихъ, не привелось, и личность о. Іоанна оставалась для насъ далекой. Неожиданный случай заставилъ всѣхъ насъ вспомнить о когда-то намъ съ матерью данномъ обѣщаніи о. Іоанна.

Вѣтреннымъ мартовскимъ днемъ, простоявъ долго на ипподромѣ, я вернулся съ бѣговъ прозябшимъ и почувствовалъ ознобъ. Дома я согрѣлся, отошелъ, и ночь прошла спокойно. Утромъ, какъ обычно, я вышелъ прогулять мою собаку. Мы жили на Знаменской. Дойдя до греческой церкви, мнѣ случилось откашляться. Густой

шмотокъ запекшейся крови заалѣлъ на мокромъ снѣгу. Я поспѣшилъ домой, но оказался не въ силахъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ: кровь хлынула и носомъ, и горломъ. Участіемъ сердобольныхъ прихожанъ я былъ доставленъ къ намъ на квартиру. Меня уложили въ постель. Поднялся жаръ. Кровотеченіе не останавливалось. Принятыя врачами мѣры не помогали. Къ вечеру все осложнилось сильнѣйшимъ суставнымъ ревматизмомъ — нельзя было пошевелиться . . . дальше я помню плохо. Придя въ себя, я увидѣлъ у моей постели знакомыхъ и незнакомыхъ представителей медицины. Въ комнатѣ царилъ запахъ метиллъ-саллицила. Ноги и руки у меня были обложены горячими компрессами.

Кровотеченіе то останавливалось, то опять возобновлялось. Я исходилъ кровью и ослабъ до крайности.

Смятенный видъ отца и матери, участливое посѣщеніе сестры и братьевъ, осторожные визиты заглядывавшихъ на минутку друзей и знакомыхъ, — все указывало, что дѣло плохо. Къ вечеру отецъ мнѣ осторожно предложилъ утромъ исповѣдаться и причаститься. «Не потому, чтобы ужъ такъ плохо было», говорилъ онъ, «а все-таки . . . оно, знаешь, лучше . . .» Мать плакала. Я совершенно спокойно согласился и, помнится, заснулъ. Ночью я просыпался нѣсколько разъ. Болей не было. Дыханіе было чистое. Не отходившая отъ меня мать тревожно поднималась съ кресла и растерянно говорила, что жару больше нѣтъ и что кожа влажная. Подъ утро я заснулъ вовсе крѣпко.

Проснувшись, я пошевелился и ощутилъ, что организмъ мой какъ бы оправился отъ потрясенія. Болей я не чувствовалъ. Легкое откашливаніе кровотеченія не вызывало. Я хотѣлъ съ чѣмъ-то обратиться къ матери, но голосъ меня не слушался . . . Съ удивленіемъ я замѣтилъ, что лицо и глаза матери сіяютъ счастьемъ.

— Лежи! Лежи смирно! Слава Богу! . . ночь прошла спокойно . . . Теперь только бы не растравить кашлемъ опять сосуды. И знаешь, какъ все это необъяснимо и чудесно вышло? Мать разсказала, что просидѣвъ ночь у моей постели, подъ утро она задремала довольно крѣпко. Ее разбудила горничная, Наташа, и попросила выйти на кухню. Тамъ ее ожидала никому у насъ въ домѣ неизвѣстная женщина, простоватаго обличья. Показывая клочекъ бумаги съ нашимъ адресомъ, она сообщила, что она насъ разыскиваетъ по приказанію о. Іоанна, и спрашивала, есть ли у насъ болящій, по имени Василій? На утвердительный отвѣтъ женщина сообщила, что о. Іоаннъ, «вспомнивъ» про меня, послалъ ее сказать, что онъ обо мнѣ помолился и даетъ знать, что болѣзнь моя прекратилась. Женщина передала маленькую просфору, съ наставленіемъ дать мнѣ ее вкусить, какъ только я проснусь.

Мать не знала ни какъ благодарить, ни куда посадить посланную о. Іоанна. Вмѣстѣ съ ней и случившейся при этомъ прислугой, она возблагодарила Бога и не находила словъ, чтобы выразить свою признательность батюшкѣ за его обо мнѣ заступленіе. Отъ какого-либо вознагражденія женщина отказалась. На разспросы, какъ и откуда о. Іоаннъ узналъ о моемъ несчастіи, отвѣтить не могла. О. Іоаннъ послѣ всенощной подозвалъ ее къ себѣ и, давъ нашъ адресъ — фамиліи не было, поручилъ ей найти болящаго Василія и передать, что сказано выше. Сама женщина была убѣждена, что о. Іоаннъ насъ хорошо знаетъ, и не могла надивиться дѣйствительному положенію вещей. Напутствуемая горячей благодарностью, она взялась пересказать о. Іоанну нашу благодарность за его заступничество, доброту и чудесную помощь.

Нѣсколько дней меня доктора еще помучили припарками, но силы возвращались и дней черезъ десять я былъ въ состояніи встать. Было рѣшено отправить меня на поправку немедленно въ деревню, въ Самарскую губернію, на кумысъ. Шатаясь отъ слабости, я едва прошелъ по корридору вагона до моего купэ. Черезъ день, въ дорогѣ, я уже передвигался довольно свободно. На маленькой степной станціи я вышелъ изъ вагона самостоятельно. Солнце, степь, кумысъ сдѣлали свое дѣло. Мѣсяца черезъ два я могъ уже принимать участіе во всѣхъ забавахъ и развлеченіяхъ моихъ сверстниковъ и къ осени вернуться въ университетъ здоровымъ.

В. Н. Звѣревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

У преподобнаго Серафима.

ЗА ГОДЪ ДО ЕГО КОНЧИНЫ.

Не могу теперь вспомнить, за дальностью времени, ближайшихъ причинъ, побудившихъ отца моего и мать сняться съ гнѣзда своего въ Нижнемъ Новгородѣ и отправиться въ Муромскіе лѣса, забравъ съ собою всю громадную семью, отъ старшихъ подростковъ до младенца у груди матери, и чуть ли не всю дворню, — однимъ словомъ, по тогдашнему выраженію, — чадцевъ и домочадцевъ, весь домъ свой . . .

Шло и ѣхало большинство паломниковъ ради выполненія обѣта, даннаго въ ту или другую трудную минуту жизни.

Ѣхали мы на долгихъ . . .*) Живо помню прелесть приваловъ у лѣсной опушки съ кострами около ручья или надъ колдобиной въ лѣсу, съ самоварами подъ тѣнью деревьевъ, — со всѣмъ раздольемъ полуцыганскаго кочевья . . .

Помню ночевки въ громадныхъ селахъ зажиточнаго края: въ просторной, недавно срубленной избѣ сладко засыпалось подъ жужжанье бабьихъ веретенъ . . . Смотришь съ просонья — а бабы все прядутъ, молча прядутъ онѣ далеко за полночь. Сѣдая свекровь то присаживается, то снова встаетъ, мѣрными, какъ маятникъ, движеніями вставляя лучину за лучиной въ высокій свѣтецъ . . . А съ высоты свѣтца сыплются искры брызгами, огненнымъ дождемъ придавая молчаливому труду крестьянокъ въ ночной тиши что-то фантастическое, сказочное. . .

Послѣ каждаго ночлега, послѣ каждаго привала все длиннѣе и длиннѣе становился поѣздъ Саровскихъ богомольцевъ. Люди любили въ тѣ времена держаться вмѣстѣ, подъѣзжая къ небезопасной тогда мѣстности Муромскаго бора.

При входѣ въ длинную, низкую со сводами монастырскую трапезу насъ, дѣтей охватила легкая дрожь, не то отъ сырости каменнаго зданія, не то просто отъ страха. Въ самой серединѣ трапезы монахъ стоя за аналоемъ, читалъ Житіе Святыхъ. Почетные гости сидѣли въ глубокомъ молчаніи за длиннымъ столомъ на право. Лѣниво кушали «почетные», брезгливо черпая деревянными ложками изъ непривычной для нихъ общей чаши. Крестьяне за другимъ столомъ на-лѣво усердно хлебали вкусную монастырскую пищу. Тѣ и другіе молчали. Подъ тускло освѣщенными сводами раздавался только монотонный голосъ чтеца, да сдержанное шарканье по каменному полу туфель служекъ, разносившихъ кушанье въ деревянныхъ чашкахъ и на деревянныхъ же лоткахъ.

Въ эту ночь насъ дѣтей не будили къ заутрени и попали мы лишь къ обѣднѣ. Отца Серафима у служебъ не было, и народъ прямо изъ церкви повалилъ къ тому корпусу, въ которомъ находился монастырскій пріютъ отшельника. Къ богомольцамъ примкнула и наша семья. Долго шли мы подъ сводами нескончаемыхъ, какъ мнѣ тогда казалось, темныхъ переходовъ. Монахъ со свѣчей шелъ впереди. «Здѣсь», сказалъ онъ и, отвязавъ ключъ отъ пояса, отперъ имъ замокъ, висѣвшій у низенькой, узкой двери, вдѣланной въ глубь толстой каменной стѣны.

*) Такъ назывались — поѣздки на своихъ лошадяхъ съ остановками для кормленія и ночлеговъ.

Нагнувшись къ двери, старикъ проговорилъ обычное въ монастыряхъ привѣтствіе: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Но отвѣтнаго «Аминь», какъ приглашенія войти, не послѣдовало. «Попробуйте сами, не откликнется ли кому изъ васъ»,

сказалъ старикъ вожатый, обращаясь къ богомольцамъ. Обычный возгласъ у закрытой двери повторилъ и отецъ мой и другіе, — пробовали и женщины и дѣти . . . «Чтобы вамъ, Алексѣй Нефедовичъ», — робко пригласила мать высокаго господина въ отставномъ гусарскомъ мундирѣ, человѣка еще молодого по гибкости стана и блеску черныхъ глубокихъ глазъ, — старца же по сѣдинѣ въ усахъ

и по морщинамъ, бороздившимъ высокій лобъ. Алексѣй Нефедовичъ Прокудинъ *) быстро прошелъ къ двери, нагнулся къ ней и съ увѣренностью друга дома, съ улыбкой уже готоваго привѣта на лицѣ мягко проговорилъ знакомымъ намъ груднымъ теноромъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». И на его симпатичный голосъ не послышалось однако отвѣта изъ-за закрытой двери. «Коли вамъ, Алексѣй Нефедовичъ не отвѣтилъ, стало быть старца то и въ кельи нѣтъ. Идти развѣ, понавѣдаться подъ окномъ не выскочилъ-ли онъ, какъ послышался грохотъ вашего поѣзда на дворѣ». — Мы вышли за сѣденькимъ вожатымъ изъ корридора, другимъ уже болѣе короткимъ путемъ. Обогнувъ за нимъ уголъ корпуса, мы очутились на небольшой площадкѣ, подъ самымъ окномъ отца Серафима. На площадкѣ этой между двумя древними могилами дѣйствительно оказались слѣды отъ двухъ, обутыхъ въ рабочіе лапти, ногъ. Убегъ — озабоченно проговорилъ сѣденькій монашекъ, смущенно поворачивая въ рукахъ ненужный теперь ключъ отъ опустѣвшей кельи. «Эхъ-ма» глубоко вздохнулъ онъ, смиренно возвращаясь къ дѣлу своего послушанія, какъ вожатая богомольцевъ по монастырской святынѣ. Толпа ихъ, между тѣмъ уже тѣснилось около стоявшей поодаль, древней могилы съ чугуннымъ гробикомъ поверхъ земли вмѣсто памятника. Кто, крестясь, прикладывался къ холодному чугуну, — кто сгребалъ изъ-подъ гробницы сыпучій песокъ въ уголъ шейнаго платка... Три раза перекрестившись, монахъ поклонился передъ древней могилой до самой земли. До земли же за нимъ поклонился и весь народъ. «Отецъ нашъ Маркъ», началъ инокъ свой обычный монастырскій сказъ: «Отецъ нашъ Маркъ спасался въ этихъ самыхъ лѣсахъ, когда еще только обстраивалась въ первой эта обитель наша. Супостаты лѣсные грабители окаянные не разъ калечили его въ бору, выпытывая отъ него мѣсто, гдѣ зарыты будто бы монастырскія сокровища и, наконецъ, съ досады вырвали у него языкъ. Десятками лѣтъ жилъ затѣмъ мученикъ въ бору нашемъ уже невольнымъ молчальникомъ.

И вотъ за все терпѣніе его при жизни даетъ теперь Господь гробницѣ его чудодѣйственную силу. Какъ вы знаете много уже чудесъ творилось надъ этой могилой, — а мы недостойные его братья, поемъ здѣсь панихиды, выжидая когда Богу угодно будетъ явить изъ подъ спуда его святыя мощи».

Толпа богомольцевъ почтительно разступилась, прервавъ рѣчь монаха: шелъ самъ игуменъ съ пѣвчими служить обычную воскресную панихиду надъ могилой давно усопшаго брата.

---

*) Сосѣдъ моего дяди по имѣнію, извѣстный своею благотворительностью, которую онъ простиралъ до того, что роздалъ бѣднымъ все свое имущество.

Послѣ панихиды отецъ игуменъ благословилъ богомольцевъ отыскивать отца Серафима въ бору: «Далеко ему не уйти» утѣшалъ игуменъ: «вѣдь онъ, какъ и отецъ нашъ Маркъ, сильно калѣченъ на своемъ вѣку. Сами увидите: гдѣ рука, гдѣ нога, а на плечикѣ горбъ. Медвѣдь ли его ломалъ... люди ли били... вѣдь онъ-что младенецъ, не скажетъ. А все врядъ ли вамъ отыскать его въ бору. Въ кусты спрячется, въ траву заляжетъ. Развѣ самъ откликнется на дѣтскіе голоса. Забирайте дѣтей-то по больше, да чтобъ напередъ васъ шли. Непремѣнно бы впереди бѣгли» кричалъ еще игуменъ во слѣдъ уже двинувшейся къ лѣсу толпѣ.

Весело было сначала бѣжать намъ однимъ, совсѣмъ однимъ; — безъ присмотра и безъ надзора бѣжать по мягкому, бархатному слою сыпучаго песку. Намъ, городскимъ дѣтямъ, то и дѣло приходилось останавливаться, чтобы вытрясти мелкій бѣлый песокъ изъ той или другой прорѣзной (модной въ то время) туфельки. Деревенскія же босоножки, подсмѣиваясь кричали намъ на ходу: «чего не разуетесь... легче будетъ». Лѣсъ же становился все гуще и рослѣе. Насъ все болѣе и болѣе охватывало лѣсной сыростью, лѣснымъ затишьемъ, и терпкимъ непривычнымъ запахомъ смолы. Подъ высокими сводами громадныхъ елей стало совсѣмъ темно... И деревенскимъ и городскимъ сдѣлалось жутко въ мрачномъ бору. Хотѣлось плакать...

По счастью гдѣ то вдалекѣ, блеснулъ, засвѣтился солнечный лучъ между иглистыми вѣтвями... Мы ободрились, побѣжали на мелькнувшій вдалекѣ просвѣтъ, и скоро всѣ вразсыпную выбѣжали на зеленую, облитую солнцемъ поляну.

Смотримъ: — около корней отдѣльно стоящей на полянкѣ ели работаетъ пригнувшись чуть ли не къ самой землѣ низенькій, худенькій старецъ, проворно подрѣзая серпомъ высокую лѣсную траву. Серпъ же такъ и сверкаетъ на солнечномъ припекѣ.

Заслышавъ шорохъ въ лѣсу, старичекъ быстро поднялся, насторожив ухо къ сторонѣ монастыря и затѣмъ точно спугнутый заяцъ проворно шарахнулся къ чащѣ лѣса. Но онъ, не успѣвъ добѣжать, запыхался, робко оглянувшись, юркнулъ въ густую траву недорѣзанной имъ куртины и скрылся у насъ изъ виду. Тутъ только вспомнился намъ родительскій наказъ при входѣ въ боръ, и мы чуть ли не въ двадцать голосовъ дружно крикнули: «Отецъ Серафимъ!» «Отецъ Серафимъ!»

Случилось какъ разъ то, на что надѣялись монастырскіе богомольцы: заслышавъ не подалеку отъ себя звукъ дѣтскихъ голосовъ, отецъ Серафимъ не выдержалъ въ своей засадѣ и старческая голова его показалась изъ-за высокихъ стеблей лѣсной травы. Приложивъ палецъ къ губамъ, онъ умильно поглядывалъ на насъ,

какъ бы упрашивая ребятъ не выдавать его старшимъ, шаги которыхъ уже слышались въ лѣсу.

Смоченные трудовымъ потомъ желтоватые волосы пустынника мягкими прядями, лежали на высокомъ лбу; искусанное лѣсной мошкарой лицо его пестрѣло запекшимися въ морщинахъ каплями крови. Непригляденъ былъ видъ лѣсного отшельника. А между тѣмъ когда, протоптавъ къ намъ дорожку черезъ всю траву, онъ, опустившись на траву, поманилъ насъ къ себѣ, крошка наша Лиза, первая бросилась старичку на шею, прильнувъ нѣжнымъ лицомъ къ его плечу, покрытому рубищемъ. «Сокровища», «сокровища» приговаривалъ онъ едва слышнымъ шопотомъ, прижимая каждаго изъ насъ къ своей худенькой груди.

Мы обнимали старца, а между тѣмъ, замѣшавшійся въ толпу дѣтей подростокъ, пастушекъ Сема бѣжалъ со всѣхъ ногъ обратно къ сторонѣ монастыря, зычно выкрикывая: «здѣсь, сюда. Вотъ онъ... Вотъ отецъ Серафимъ. Сю-ю-да-а». Намъ стало стыдно. Чѣмъ-то вродѣ предательства показались намъ и выкрикиванія наши и объятія. Еще стыднѣе стало намъ, когда двѣ мощныя запыхавшіяся фигуры, не помню мужчинъ или женщинъ подхватили старца подъ локти и повели къ высыпавшей уже изъ лѣсу кучѣ народа. Опомнившись, мы бросились въ догонку за о. Серафимомъ... Опередивъ своихъ непрошенныхъ вожатыхъ, онъ шелъ теперь одинъ, слегка прихрамывая, къ своей хибаркѣ надъ ручьемъ. Подойдя къ ней, онъ оборотился лицомъ къ поджидавшимъ его богомольцамъ. Ихъ было очень много. «Нечѣмъ мнѣ угостить васъ здѣсь, милые, проговорилъ онъ мягкимъ, сконфуженнымъ тономъ домохозяина, застигнутаго врасплохъ среди разгара рабочаго дня. А вотъ дѣтокъ — пожалуй полакомить можно, вспомнилъ онъ, какъ бы обрадовавшись собственной догадкѣ. И затѣмъ, обратившись къ подростку, брату нашему, сказалъ: «Вотъ у меня тамъ грядки съ лукомъ. Видишь. Собери всѣхъ дѣтокъ, нарѣжь имъ лучку; — накорми ихъ лучкомъ и напой хорошенько водой изъ ручья». Мы побѣжали въ припрыжку исполнять приказаніе о. Серафима и засѣли между грядками на корточкахъ. Луку, разумѣется, никто не тронулъ. Всѣ мы залегши въ травѣ, смотрѣли изъ-за нея на старичка, такъ крѣпко прижавшаго насъ къ груди своей.

Получивъ его благословеніе всѣ стали поодаль почтительнымъ полукругомъ, и такъ-же, какъ и мы смотрѣли издали на того, кого пришли посмотрѣть и послушать.

Много было тутъ лицъ, опечаленныхъ не давнимъ горемъ: — большинство крестьянокъ повязано было въ знакъ траура бѣлыми платками. Дочь старой няни нашей, недавно умершей отъ холеры, тихо плакала, закрывъ лицо передникомъ.

«Чума тогда, — теперь холера», медленно проговорилъ пустынникъ какъ-будто — припоминая про себя что-то давно, давно минувшее.

«Смотрите» — громко сказалъ онъ: вотъ тамъ ребятишки срѣжутъ лукъ — не останется отъ него поверхъ земли ничего... Но онъ подымется, вырастетъ сильнѣе и крѣпче прежняго... Такъ и наши покойнички, — и чумные, и холерные... и всѣ возстанутъ лучше, краше прежняго. Они воскреснутъ. Воскреснутъ.

Воскреснутъ, всѣ до единаго...

Не къ язычникамъ обращался пустынникъ съ вѣстью о воскресеніи. Всѣ тутъ стоявшіе твердили смолоду «о жизни будущаго вѣка». Всѣ мѣнялись радостнымъ привѣтствіемъ въ «свѣтлый день». А между тѣмъ это громкое: «Воскреснутъ. Воскреснутъ»—Провозглашенное въ глухомъ бору, устами такъ мало говорившими, въ теченіи жизни, пронеслось надъ поляной какъ завѣреніе въ чемъ то несомнѣнномъ, близкомъ.

Стоя передъ дверью лѣсной хижинки, въ которой нельзя было ни стать, ни лечь, старикъ тихо крестился, продолжая свою молитву, свое немолчное молитвословіе... Люди не мѣшали ему, какъ не мѣшали непрестанной его бесѣдѣ съ Богомъ ни работа топоромъ, ни сѣнокосъ, ни жаръ, ни холодъ, ни ночь, ни день.

Молился и народъ.

Надъ смолкнувшей поляной какъ будто тихій ангелъ пролетѣлъ.

Отдѣляясь отъ богомольцевъ и впереди всѣхъ стояло хорошо знакомое намъ грозное, гордое существо, — госпожа Зорина, далекая родственница моего отца. За ней толпился цѣлый штатъ женской прислуги, одѣтой, такъ же, какъ и она сама, въ черное съ бѣлыми платками на головѣ. Старуху поддерживали подъ оба локотка двѣ не то бѣлицы, не то крылошанки въ бархатныхъ остроконечныхъ шапочкахъ. — Наскучивъ торжественнымъ затишьемъ лѣсной поляны съ ея тихо молящимся народомъ, старая барыня проворчала, обращаясь къ двору своему: «Молиться успѣемъ и дома. Пріѣхала высказаться и выскажусь». И подтолкнувъ въ обѣ стороны своихъ приближенныхъ, она выплыла съ ними обѣими на самую середину полу-круга.

«Отецъ-Серафимъ. Отецъ Серафимъ. Громко позвала она отшельника: Какъ вы мнѣ посовѣтуете? Вотъ я, генеральша Зорина, вдовѣю тридцатый годъ. Пятнадцать лѣтъ проживаю, можетъ слыхали, — при монастырѣ со всѣми этими своими. За все это время соблюдаю среды и пятницы; — теперь задумала понедѣльничать — такъ что вы на это скажете. Какъ посовѣтуете, отецъ Серафимъ?»

Ежели бы стая грачей низко пролетѣла, каркая, надъ толпою богомольцевъ, то небольше огорошили бы насъ крикливыя пти-

цы, чѣмъ этотъ назойливый запросъ Госпожи Зориной, внезапно прервавшій общее настроеніе.

И отецъ Серафимъ, какъ бы озадаченный, заморгалъ на нее своими добренькими глазками: «Я что-то не совсѣмъ понялъ тебя», проговорилъ онъ, и затѣмъ, подумавъ немного, прибавилъ: ежели ты это насчетъ ѣды, то вотъ что я тебѣ скажу: какъ случится замолишься, забудешь объ ѣдѣ — ну и не ѣшь, не ѣшь день, не ѣшь два — а тамъ, какъ проголодаешься, ослабѣешь, такъ возьми да и поѣшь немного.

Улыбку умиленія вызвало на всѣхъ лицахъ это мудрое рѣшенеі вопроса сдѣланное свѣковавшимъ въ лишеніяхъ отшельникомъ. Старая же чванливая ревнительница поста как-то неловко попятилась вмѣстѣ со своими придворными, проворно укрывшись съ ними въ толпѣ своихъ. А между тѣмъ богомольцы ослабѣли, стоя на солнечной припекѣ. Тѣло каждаго входило въ свои права, требовало пищи, отдыха.

Отецъ Серафимъ поманилъ къ себѣ Прокудина рукой: «Скажи имъ, сказалъ онъ, сдѣлай милость скажи всѣмъ, чтобъ напились скорѣй изъ этого тамъ родника. Въ немъ вода хорошая. А завтра я буду въ монастырѣ. Непремѣнно буду».

Когда же всѣ, утоливъ жажду, оглянулись, отца Серафима уже не было на пригоркѣ передъ хибаркой его, въ которой ни стать, ни лечь. Только вдали за кустами шуршалъ серпъ, срѣзывая сухую лѣсную траву.

Надежда Аксакова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

РУССКІЙ МАЛЬЧИКЪ ВЪ СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

Мои родители часто жалѣли, что, живя такъ близко отъ Палестины, мы не собрались туда поѣхать. Но въ этомъ году папа съ мамой, къ моему удивленію, стали хлопотать о паспортѣ. Папа не могъ манкировать службой, и мы собрались въ путь только съ мамой.

Поѣхали мы просто и скромно, третьимъ класомъ. Ѣхали почти сутки, день и ночь. Поѣздка была ужасная, бедуиновъ набилось точно саранчи. Въ двѣнадцать часовъ ночи переѣхали Суэцкій каналъ по мосту (чему я очень удивился). Проснулся я въ седьмомъ часу, измученный и усталый, и сталъ смотрѣть на пустыню, разстилавшуюся передо мною. Наконецъ, поѣздъ кое-какъ добрался до Лидды, и мы пересѣли на Іерусалимскій поѣздъ.

Дорога отъ Лидды до Іерусалима опасная, медленно идетъ поѣздъ, дорога извивается какъ змѣя, и камни мѣстами нависаютъ надъ поѣздомъ. Но все таки часа черезъ три съ небольшимъ мы добрались до Іерусалима. Пріѣхали въ 2 часа дня и неожиданно попали въ русскую семью, гдѣ были очень хорошо приняты.

Немного отдохнувъ, поѣхали мы на «Русскія Раскопки». Тамъ мы получили комнату, устроились и скоро заснули (хотя было только 4 часа). Проснулись рано утромъ. Шла служба въ церкви, находящейся тутъ же. Мы осмотрѣли чудныя иконы. Оглянувшись, мы увидѣли, что всѣ молящіеся — однѣ только русскія монашенки.

Выйдя изъ церкви, мы пошли поклониться Гробу Господню, около котораго и находятся «Русскія Раскопки». Помолились у Голгоѳы, а потомъ спустились въ пещеру, гдѣ св. Елена, мать царя Константина, нашла три креста, изъ которыхъ одинъ оказался Господнимъ.

Самый Соборъ нѣчто очень достопримѣчательное. Это — огромное зданіе, построенное на мѣстѣ базилики Константина и Елены. Онъ имѣетъ видъ очень старый, но солидный. Отъ старинныхъ стѣнъ распространяется пріятный запахъ. Послѣ послѣдняго землетрясенія (въ 1929 г.), повредившаго зданіе, все оно поддерживается внутри желѣзными балками.

Выйдя изъ Храма Св. Гроба, мы пошли гулять. Насъ очень поразило то, что на каждомъ шагу мы встрѣчали русскихъ монашекъ, или кого нибудь говорящаго по русски. Казалось моментами, что Іерусалимъ — кусочекъ Русской земли.

Вернулись мы очень довольные.

На слѣдующій день пошли по Крестному Пути. Видѣли домъ Симона Киренейскаго, домъ «Вѣчнаго Жида», заходили въ домъ св. Вероники, которая подала Господу полотенце, чтобы Онъ вытеръ Свой Ликъ. Зашли въ домъ Пилата — въ Преторію, гдѣ, возможно, и жилъ онъ. Были и въ темницѣ Христа. Были и тамъ, гдѣ возложили на Него терновый вѣнецъ. Были также и на томъ мѣстѣ, гдѣ Господа, ведомаго на Голгоѳу, встрѣтила Его Мать.

Вышли мы съ Крестнаго Пути черезъ Овечьи Ворота, откуда предъ нами открылся чудный видъ.

Направо была Давидова стѣна, такъ называютъ стѣну Стараго города, построенную, говорятъ, не раньше крестоносцевъ — съ Золотыми Воротами, гдѣ находится греческая часовенка на мѣстѣ убіенія св. Стефана Первомученика, и обширный оливковый садъ. Передъ нами находился храмъ Гроба Богоматери, католическая церковь Моленія о Чашѣ, а выше, окруженный кипарисами, величественно возвышаетъ свои купола и колокольню Русскій храмъ св. Маріи Магдалины.

Весь этотъ склонъ Святой горы Елеонъ — Оливковой горы — Масличной горы, склонъ, обращенный къ Іерусалиму, называютъ Геѳсиманіей. Мы обошли всѣ эти святыя мѣста. Отстояли службу у Гроба Богоматери и застали часть службы у Маріи Магдалины. Хоръ тамъ состоялъ изъ монашекъ и былъ истинно замѣчателенъ. Молитвы казались явно подымающимися къ небу.

На слѣдующій день мы были на Елеонѣ и взбирались на колокольню Русской церкви, съ которой виденъ весь Іерусалимъ, Мертвое море и Іорданъ. Нѣсколько позже побывали мы и въ Виѳаніи.

Наконецъ, насталъ день и поѣздки на Іорданъ. Наняли мы такси и рано утромъ со знакомыми отправились въ путь. Заѣхали къ Мертвому морю и искупались въ его маслянистой водѣ, а потомъ уже отправились на Іорданъ. Здѣсь мы помолились у иконы, т. к. это мѣсто принадлежитъ грекамъ, искупались въ Святой Рѣкѣ, набра-

ли воды и пошли гулять по его богатымъ зеленымъ берегамъ. Объ Іорданѣ разскажу отдѣльно.

Вернулись мы бодрые и довольные къ себѣ на квартиру. Пожили еще недѣлю и за это время побывали и у Дуба Мамврійскаго, и въ Виѳлеемѣ, и у Симеона Богопріимца, что среди кипарисовъ, и во многихъ другихъ святыхъ мѣстахъ, которыя находятся совсѣмъ близко отъ Іерусалима. Каждый разъ мы бывали, по возможности, на службѣ въ Соборѣ Русской Духовной Миссіи. Мама говоритъ, что Соборъ этотъ великъ и богатъ, какъ были соборы большихъ Россійскихъ городовъ.

Потомъ мы поѣхали въ Магдалу на Тиверіадскомъ озерѣ. Пріѣхали только посмотрѣть Святое озеро, но пробыли тамъ три дня, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и частымъ купаніемъ. Рѣшили съ мамой побыть тамъ недѣльку. Вернулись въ Іерусалимъ взять вещи и поѣхали на Тиверіаду черезъ Яффу, гдѣ остановились въ Русскомъ Саду. Но такъ какъ отъ Яффы до Тель Авива всего версты полторы, то мы и тамъ побывали. Городокъ интересный, организація чудная. Погода была прекрасная. Что замѣчательно — всѣ евреи говорятъ по-русски. Хотите спросить, какъ доѣхать къ морю — обращаетесь къ прохожему (еврею), и онъ съ охотой вамъ объясняетъ на хорошемъ русскомъ языкѣ. Осмотрѣвъ хорошо и Яффу, накупавшись вдоволь въ пруду Русскаго Сада, мы поѣхали въ Магдалу, гдѣ провели нѣсколько дней.

Приближалось Преображеніе. Мы поѣхали въ Назаретъ, побывали тамъ въ Святыхъ мѣстахъ и съ группой русскихъ монашекъ отправились на грузовикѣ, а частью и пѣшкомъ, на св. гору Ѳаворъ.

Святая гора Ѳаворъ достаточно высока ,на ней стоятъ греческій и католическій монастыри, кажущіеся снизу огромными гнѣздами. Было много арабовъ-христіанъ, которые пріѣхали не столько помолиться, сколько повеселиться. Игуменъ къ намъ отлично отнесся и предложилъ переночевать въ церкви — страха ради арабскаго. Приложившись къ мѣсту Преображенія Господня, мы всѣ усердно принялись прибирать и убирать церковь, а

на слѣдующій день, простоявъ торжественную службу, всѣ мы русскіе пріобщились.

Вернувшись въ Назаретъ, мы переночевали въ греческомъ монастырѣ у добродушной, хлѣбосольной монашки, русской изъ Москвы, хозяйничающей здѣсь, и вернулись снова въ Магдалу за вещами, да и очень ужъ намъ тутъ понравилось. А потомъ вернулись въ Іерусалимъ. Забылъ я сказать, что были мы также въ Капернаумѣ, гдѣ видѣли развалины синагоги, въ которой Господь проповѣдывалъ.

Вернувшись въ Св. Городъ, мы поѣхали въ Іерихонъ, а оттуда пошли на Сорокодневную гору. Вскарабкались мы съ величайшими усиліями къ Греческому монастырю, который поставленъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ Господь Іисусъ Христосъ, искушаемый Діаволомъ, а потомъ, къ необыкновенному удивленію монаховъ, которые за послѣднее время отвыкли отъ русскихъ паломниковъ, а имѣли дѣло больше съ апатичными туристами — взобрались съ Божіей помощью на самую вершину горы. Ирочка — моя пріятельница отстала, и мы добрались только съ мамой. Монахи говорили, что отсюда діаволъ показалъ Господу всѣ царства міра сего.

Видъ съ вершины горы истинно прекрасный. Весь Іерихонъ разстилается широкимъ зеленымъ ковромъ, гдѣ разсыпаны бѣлыя пятнышки — домики. Вдали Іорданъ и Мертвое море. Вокругъ — горы. Сама же вершина окружена громадной стѣной, внутри которой находится недостроенная церковь въ формѣ креста.

Спустившись съ горы и отдохнувъ у русскихъ знакомыхъ въ Іерихонѣ, мы возвратились въ Іерусалимъ. Много еще съ мамой гдѣ бывали, много видѣли, много чего слышали, много ходили, и если бы я когда нибудь собрался описать наше паломничество въ подробностяхъ, то и впрямь оно заняло бы нѣсколько томовъ.

Довольные, хотя и усталые, вернулись мы въ Египетъ, домой, думая о Святой Землѣ, которую мы еще, дастъ Богъ, увидимъ.

Миша Гавриловъ (14 лѣтъ).

4 сент. 1945.

Наташинъ сонъ.

— Нѣтъ сладу съ Наташей, совсѣмъ отъ рукъ отбилась, жаловалась тетя Катя сосѣдкѣ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ сестра въ больницѣ, дѣвочку и не узнать. Думала, она по матери скучаетъ — такъ нѣтъ: послѣднiй разъ и въ больницу поѣхать не захотѣла. Грубитъ, дерзкая такая стала, и молиться совсѣмъ не хочетъ — глаза зажмуритъ и лежитъ, обнявъ колѣни руками и не слушаетъ слова тети.

—Еще жалуется: Подожди, я вамъ еще не то покажу. бормочетъ Наташа. Кому это «вамъ», Наташа сама не знаетъ, но ей нравится такъ думать.

— Не молится: И не буду, зачѣмъ мамочку забрали въ больницу? Зачѣмъ больна добрая, ласковая мамочка? Зачѣмъ это Богъ позволилъ? Вѣдь мамочка всегда такъ молилась Ему, а Онъ . . .

И Наташа молилась. Какъ молилась! Когда мамочку забрали люди въ бѣлыхъ халатахъ, на страшныхъ носилкахъ, такую блѣдную, съ закрытыми глазами, всю ночь простояла на колѣняхъ Наташа. Всю ночь молилась и плакала. И Iисусу Христу, и Божiей Матери, и Ангелу-Хранителю — всѣмъ молилась.

А они услышали, помогли? Нѣтъ! уже мѣсяцъ мама въ больницѣ. И раньше говорили только: «больное сердце», а потомъ нашли какую-то опухоль страшную въ груди и рѣзали, рѣзали ее, мамочку. Ножами рѣзали.

Послѣ этого она, Наташа, перестала молиться. Она уже большая, уже ей семь лѣтъ скоро, все понимаетъ она.

Не слышатъ, не хотятъ ей помочь ни Богъ, ни Ангелъ Хранитель, и не будетъ она больше молиться . . .

Наташа краемъ глаза косится въ уголъ, надъ кроватью, гдѣ маминой рукой повѣшены образа Христа, Богоматери съ Младенцемъ и образокъ Ангела-Хранителя. Но встрѣтившись съ безконечно благостнымъ взоромъ Божіей Матери и какъ-бы укоризненно глядящими глазами Ангела, она краснѣетъ, крѣпко зажмуриваетъ глаза, сжимаетъ кулаченки и шепчетъ злымъ, горячимъ шопотомъ: — не буду, все равно не буду!

— Пора спать, Наташа. Помолись-ка хорошенько, да и ложись съ Богомъ. Но Наташа быстро поворачивается къ тетѣ спиной, сбрасываетъ платье, сандаліи, накидываетъ ночную рубашенку и, юркнувъ подъ одѣяло, поворачивается лицомъ къ стѣнѣ.

— Наташа, Наташенька, послушай! Голосъ тети Кати дрожитъ отъ волненія.

— Что съ тобой, дѣвочка. Вѣдь ты Боженьку обижаешь и Ангелъ-Хранитель твой плакать будетъ, дѣточка. И мама не выздоровѣетъ скоро, разъ ты за нее не молишься.

Тетя Катя пытается повернуть Наташу къ себѣ и осѣняетъ ея головку снятымъ со стѣны образкомъ Ангела-Хранителя. Но Наташа, какъ отъ докучливой мухи, локтемъ отмахивается отъ тетиной руки, задѣваетъ образокъ, и онъ падаетъ на полъ . . .

— Ахъ! Испуганно и жалобно вскрикиваетъ тетя Катя, поднимаетъ образокъ, бережно обтираетъ его бѣлымъ фартукомъ и цѣлуетъ.

— Ну, Наташа! Тетинъ голосъ строгъ и печаленъ. Буду за тебя молиться. Большой грѣхъ ты сдѣлала, помни!

Наташа слышитъ, какъ захлопывается дверь, и тетины шаги стихаютъ въ корридорѣ.

Она лежитъ свернувшись клубочкомъ и сердце ея бьется быстро, быстро, а щеки горятъ огнемъ.

. . .Этого она не хотѣла. Правда, не хотѣла, это выш-

ло совсѣмъ нечаянно. И на сердцѣ у Наташи такъ тяжело, такъ страшно и холодно.

Что-то будетъ... что-то будетъ съ ней за такой страшный грѣхъ, за такую обиду ея Ангелу...

И вдругъ видитъ Наташа, что она уже не въ своей комнатѣ, а въ большомъ, большомъ, красивомъ саду. Солнце свѣтитъ такъ ласково, небо голубое, и откуда-то доносится стройное, нѣжное пѣніе, будто дѣтскіе голоса поютъ!

А въ саду много, много цвѣтовъ и не подрядъ ,а каждый цвѣтокъ отдѣльно на своей грядочкѣ. Цвѣты есть разные: бѣлыя лиліи, ландыши, нѣжные анемоны, прозрачные нарциссы, тюльпаны, простенькія веселыя ромашки и пышныя розы.

Нѣкоторые цвѣты стоятъ ровно, стройно и головки ихъ, поднятыя прямо къ солнцу, какъ бы улыбаются ласковымъ лучамъ.

А другіе — слабенькіе и хилые, клонятся къ самой землѣ и лепестки ихъ сморщенные и привявшіе.

А вокругъ нѣкоторыхъ повыростала сорная трава и бурьянъ, и не даютъ имъ видѣть солнышка, ни синяго неба, а стебли ихъ цѣпко опутаны какими-то липкими, вьющимися растеніями.

А на нѣкоторыхъ грядкахъ совсѣмъ не видно, только колючій сѣрый бурьянъ, да сорная трава заполнила всю грядку.

И видитъ Наташа, подходитъ къ ней женщина въ нѣжно-голубой одеждѣ, съ яснымъ, добрымъ лицомъ.

— Что, Наташа, говоритъ она ласково, — ты пришла посмотрѣть нашъ садъ? Ну, идемъ, я покажу тебѣ.

А, что это за садъ? — Спрашиваетъ Наташа робко.

— Это Божій садъ, отвѣчаетъ ей женщина, а цвѣты, которые ты видишь, это людскія души. Вотъ тѣ стройные и красивые, это души людей, которыя любятъ Бога и служатъ Ему. Которыя живутъ молитвой и подвигомъ.

А тѣ слабенькіе, они и хотятъ молиться, да слабая и немощная у нихъ душа, не можетъ она подняться къ солнцу и радости. Но ничего, Богъ имъ поможетъ.

А вотъ эти, видишь, какъ ихъ бурьянъ и соръ заглушилъ. Это люди, которые въ грѣхахъ Бога забываютъ,

которымъ ихъ злыя дѣла и мысли закрываютъ Бога и Его свѣтъ — солнце. Имъ одно спасеніе въ Ангелѣ-Хранителѣ, можетъ Онъ за нихъ вымолитъ, и ихъ, какъ слѣпыхъ, изъ страшной бездны выведетъ на дорогу и на свѣтъ.

И видитъ Наташа, ходятъ между грядками ангелы съ бѣлыми крыльями въ сіяющихъ одеждахъ. Одни поливаютъ цвѣты изъ хрустальныхъ чашъ, прозрачной, чистой водой, другіе осторожно расправляютъ лепестки и стебли цвѣтовъ, а нѣкоторые пытаются освободить цвѣты отъ липкихъ объятій сорныхъ травъ.

— А гдѣ же мой цвѣточекъ? — чуть слышно шепчетъ Наташа. Женщина въ голубомъ покачала головой и, взявъ Наташу за руку, повела ее къ одной изъ грядокъ.

И видитъ Наташа: на грядкѣ, совсѣмъ склонившись къ землѣ почти лежитъ маленькая, бѣлая маргаритка. Ея стебелекъ густо обвило колючее, сѣрое растеніе ,а вокругъ выросла остролистая, злая крапива и листья ея не пускаютъ къ маргариткѣ ни одного лучика солнца.

А возлѣ грядки сидитъ бѣлый ангелъ и спрятавъ голову въ крылья горько плачетъ.

— Женщина въ голубомъ, оставивъ Наташу, подошла къ Ангелу, и, дотронувшись до его одежды, спросила:

— Чего ты плачешь?

Ангелъ поднялъ голову, и сразу Наташа узнала своего Ангела-Хранителя съ образка надъ кроваткой, только лицо его было теперь печальнымъ, залитымъ слезами, и на лбу краснѣла полоса, какъ отъ удара.

— Какъ же мнѣ не плакать? Заговорилъ тихимъ голосомъ Ангелъ, Богъ поручилъ мнѣ дѣвочку, она была хорошей и доброй, и я радовался, глядя, какъ она каждое утро и вечеръ молилась Богу и просила меня быть всегда съ нею.

— Но вотъ Богъ захотѣлъ спасти ея мать — никто не зналъ, что у нея въ груди страшная опухоль, отъ которой она должна скоро умереть и оставить дѣвочку сиротой. Богъ послалъ ей легкую болѣзнь, благодаря которой узнали о страшной опасности и спасли женщину.

— Но, дѣвочка, ея дочь, вмѣсто того чтобы благодарить Всеблагаго Господа, начала упрекать меня и самаго Бога за болѣзнь матери, перестала молиться и сегодня вечеромъ прогнала меня отъ себя.

И Ангелъ показалъ на красную полосу у себя на лбу: видишь, она даже ударила меня.

— Посмотри, какія страшныя травы оплели ея душу, какъ эта злая крапива заслонила отъ нея свѣтъ и солнце!

— Что будетъ съ ней? Что я скажу Богу, когда Онъ спроситъ меня о ней? Вѣдь Богъ можетъ страшно наказать ее, а мнѣ ее жаль. Потому я и плачу . . .

И снова заплакалъ Ангелъ закрывъ лицо бѣлыми крыльями.

Женщина въ голубой одеждѣ повернулась и печально посмотрѣла на Наташу, а Наташа дрожа всѣмъ тѣломъ и заливаясь слезами хотѣла крикнуть изо всѣхъ силъ — я не буду, я никогда не буду больше, Ангелочекъ. Я буду доброй, я буду молиться Боженькѣ, я буду Его благодарить всегда и за все . . . Но языкъ не слушался ея, и она могла только жалобно, жалобно застонать и . . . проснулась.

Солнце ярко свѣтило въ окна дѣтской, а тетя Катя стояла надъ ея кроваткой съ испуганнымъ лицомъ.

Что съ тобой, Наташа, чего ты кричишь во снѣ?

Наташа быстро встала на колѣни въ кроваткѣ, перекрестилась и крѣпко обняла тетю.

— Тетечка, я больше никогда не буду такой, прости меня!

Я была гадкая, злая. Пойдемъ сегодня въ церковь къ Боженькѣ, я помолюсь за мамочку и попрошу прощенья . . . Я теперь все знаю . . . И у Ангелочка тоже попрошу . . . Онъ больше никогда не будетъ плакать изъ-за меня. И вставъ на цыпочки Наташа сняла образокъ Ангела-Хранителя и приложила его нѣжно къ лицу.

Ласково, ласково глядѣли благостные очи Христа на дѣвочку, а тетя Катя, отирая слезы, гладила кудрявую головку.

Мюнхенъ. **Галина Дейницына.**

Училище благочестія.

МОЛИТВА ІЕРОСХИМОНАХА ПАРѲЕНІЯ КІЕВСКАГО.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, не попусти, чтобы суетность, самолюбіе, чувственность, нерадѣніе, гнѣвъ господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей. . . О, мой Господи, Создатель мой, все Упованіе мое! не остави меня безъ удѣла въ блаженной вѣчности; содѣлай, да и я послѣдую святому примѣру Твоему, буду покоренъ властямъ, надо мною поставленнымъ; даруй мнѣ сію чистоту духа, сію простоту сердца, которыя дѣлаютъ насъ достойными любви Твоей.

Къ Тебѣ, о, Боже мой! возношу душу и сердце мое: не попусти погибнуть созданію Твоему, но избавь меня отъ единственнаго и величайшаго зла: грѣха. Содѣлай, Господи, да переношу съ такимъ же терпѣніемъ безпокойства и скорби душевныя, съ какою радостію пріемлю удовольствія сердечныя. Если Ты хочешь, Господи, — можешь очистить и освятить меня. Се предаю себя Твоей благости, прося истребить изъ меня все противное Тебѣ и присоединить къ сонму избранныхъ Твоихъ.

Господи! отыми отъ меня праздность духа, погубляющую время; суетность мыслей, мѣшающую Твоему присутствію и развлекающую вниманіе мое въ молитвѣ; если же, молясь, я уклоняюсь отъ Тебя моими помыслами, то помоги мнѣ, дабы сіе развлеченіе было не произвольно, и, отвращая умъ, да не отвращу сердце отъ Тебя.

Исповѣдую Тебѣ, Господу Богу моему, всѣ грѣхи моего беззаконія, нынѣ и прежде содѣланные передъ Тобою: отпусти мнѣ ихъ ради имени Твоего святаго и спаси душу мою, которую Ты искупилъ драгоцѣнною Кровію Твоею. Вручаю себя милосердію Твоему, предаюсь въ волю Твою, твори со

мною по благости Твоей, а не по злобѣ и беззаконію моему. Научи меня, Господи, располагать дѣла свои такъ, чтобы они споспѣшествовали къ прославленію имени Твоего святаго.

Умилосердись, Господи, о всѣхъ христіанахъ; услыши желаніе всѣхъ вопіющихъ къ Тебѣ, избави отъ всякаго зла, спаси рабовъ Твоихъ (имена!) пошли имъ отраду, утѣшеніе въ скорбяхъ и милость Твою святую. Господи! молю Тебя особенно о тѣхъ, которые меня чѣмъ либо обидѣли и опечалили или какое либо зло сдѣлали: не наказывай ихъ меня-ради грѣшнаго, но пролей на нихъ благость Твою . . .

Господи! молю Тебя о всѣхъ, которыхъ я, грѣшный, опечалилъ, обидѣлъ или соблазнилъ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Господи Боже! отпусти намъ наши взаимныя оскорбленія; изжени, Господи, изъ сердецъ нашихъ всякое негодованіе, подозрѣніе, гнѣвъ, памятозлобіе, ссоры и все то, что можетъ препятствовать любви и уменьшать братолюбіе.

Помилуй, Господи, тѣхъ, которые поручили мнѣ, грѣшному, недостойному, молящися о нихъ!—Помилуй, Господи, всякаго *просящаго Твоей помощи. Господи! сотвори сей день днемъ милосердія Твоего, подай каждому по прошенію его; буди пастыремъ заблудшихъ, вождемъ и свѣтомъ невѣдущихъ, наставникомъ немудрыхъ, отцомъ сирыхъ, помощникомъ угнетенныхъ врачемъ больныхъ, утѣшителемъ умирающихъ, и приведи насъ всѣхъ къ желанному концу — къ Тебѣ, Пристанищу нашему и блаженному Упокоенію. Аминь.*

Св. Димитрій Ростовскій.

БОГОВДОХНОВЕННОЕ ХРИСТІАНСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ.

1. Когда востанешь отъ сна, то первая мысль твоя пусть будетъ о Богѣ, первое слово и молитва — къ Богу, Создателю твоему, Содержителю жизни твоей, могущему всегда умертвить и оживить, поразить и исцѣлить, спасти и погубить.

2. Поклонись и воздай благодареніе Богу, воздвигшему тебя отъ сна и не погубившему съ беззаконіями твоими, но долготерпѣливо ожидавшему твоего обращенія.

3. Положи начало лучшему, говоря съ Псаломникомъ: «Рѣхъ, нынѣ начахъ» (Псал. 76,11) и прочее, ибо путь свой къ небу хорошо совершаетъ только тотъ, кто всякій день хорошо начинаетъ.

4. Съ утра будь въ молитвѣ серафимомъ, въ дѣлахъ — херувимомъ, въ обхожденіи — ангеломъ.

5. Времени напрасно отнюдь не трать. за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ дѣлъ.

6. Во всѣхъ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ умъ свой имѣй направленнымъ къ Богу; не начертывай въ умѣ что-либо иное, кромѣ Христа; пусть никакой образъ не прикоснется къ чистому сердцу, кромѣ чистаго образа Христа, Бога и Спасителя нашего.

7. Побуждай себя всячески, елико возможешь, къ любви Божіей и всегда съ Псаломникомъ говори себѣ такъ: «Въ поученіи моемъ разгорится огнь» (Псал. 38, 4).

8. Всегда взирай внутренними очами на присутствіе Бога, Котораго ты хочешь любить непрестанно, и посему отстань отъ всякаго злого дѣла, слова и помышленія, но все честно, смиренно съ сыновней боязнью твори, говори и помышляй.

9. Да будетъ въ тебѣ вмѣстѣ кротость съ похвалою и смиреніе съ достоинствомъ.

10. Слово твое да будетъ смиренно, тихо, честно и полезно. Въ молчаніи обдумывай слова, которыя думаешь сказать, а праздное и гнилое отнюдь да не исходитъ изъ устъ твоихъ.

11. Смѣхъ, если случится. пусть будетъ только до улыбки, и то не часто.

12. Храни себя отъ ярости, запальчивости и ссоры: въ гнѣвѣ же будь сдержаннымъ .

13. Въ пищѣ и питіи храни всегда воздержаніе.

14. Ко всякой вещи будь снисходителенъ; тогда и Богъ ублажитъ тебя, и люди похвалятъ.

15. Смерть есть конецъ всему; о ней-то и необходимо всегда мыслить.

Св. Тихонъ Задонскій.

ВОРОТИСЬ, НЕ ТУДА ПОШЕЛЪ!

Бываетъ въ мірѣ семъ, что человѣкъ человѣка идущаго возвращаетъ взадъ, и кричитъ вслѣдъ его: «Слышиши ли? Воротись, не туда пошелъ»! Тако Богъ въ совѣсти человѣку глаголетъ и вопіетъ ему, когда хощетъ зло содѣлать: «Возвратися, человѣче! не туда идешь ты. Уклонися отъ зал» (Псал. 33, 15). Христіанине! хощеши ли ты отмстить, повредить, или, что горше того, убить ближняго твоего? Богъ въ слѣдъ тебѣ вопіетъ: человѣче, воротись! Хощеши ли блудъ сотворить и осквернить тѣло твое? онъ вопіетъ тебѣ:

человѣче, воротись! Хощеши ли украсть, похитить и отнять у ближняго твоего добро? Богъ гремитъ въ совѣсти твоей: человѣче, возвратись! Хощеши ли ближняго твоего прельстить и обмануть? Богъ тебѣ вопіетъ: человѣче, воротись! Хощеши ли оклеветать, осудить, обругать и опорочить брата твоего? Богъ возвращаетъ тебе отъ того и глаголетъ: человѣче, воротись! «удержи языкъ твой отъ зла» (Псал. 33, 14). Тако и отъ прочихъ грѣховъ отвращаетъ тебе Богъ и въ совѣсти твоей зоветъ тебе: человѣче, воротись! «уклонися отъ зла и сотвори благо». А что въ совѣсти тебѣ говоритъ, тое и въ словѣ Своемъ святомъ говоритъ. Совѣсть непогрѣшительная и слово Божіе суть согласны. Что совѣсть говоритъ, тое и слово Божіе; отъ чего совѣсть удерживаетъ и отвращаетъ, отъ того и слово Божіе; за что совѣсть обличаетъ, за тое и Божіе слово; и за что совѣсть похваляетъ, за тое и Божіе слово. Напримѣръ: обличаетъ тебе за воровство совѣсть, — обличаетъ за то и Божіе слово; похваляетъ тебе совѣсть за милость, сотворенную ближнему твоему, похваляетъ и Божіе слово. «Блажени милостивіи». Сего ради, когда совѣсть насъ отъ чего отвращаетъ и удерживаетъ: се есть гласъ Божій, вопіющій внутрь насъ, отвращающій и удерживающій насъ отъ зла! Христіанине! послушаемъ гласа Божія и отвратимся отъ зла, по увѣщанію Святаго Духа: «Днесь аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ» (Псал. 94, 7 и 8). Да и мы воззовемъ, и услышитъ насъ Господь.

НОВОГОДНЕЕ НАСТАВЛЕНІЕ ПАТРІАРХА ТИХОНА *).

Отцы Церкви настойчиво заповѣдаютъ христіанамъ быть трезвенными, внимательными къ самимъ себѣ, къ своимъ мыслямъ, словамъ и дѣламъ. «Каждый вечеръ, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, входи въ сердце твое, размышляй и спрашивай самого себя: не оскорбилъ ли я чѣмъ Бога? Не говорилъ ли я празднаго слова? Не былъ ли нерадивъ? Не оскорблялъ ли брата своего? Не осуждалъ ли кого нибудь? Когда уста мои открывались на славословіе, душа моя не разсѣевалась ли по міру? Когда чувственность пробуждалась во мнѣ, не услаждался ли ею я? Не былъ ли увлеченъ земными заботами? Если во всемъ этомъ ты понесъ убытокъ, постарайся вознаградить его, воздыхай, плачь, чтобы снова не потерпѣть убытка».

Если мы, однако, вслѣдствіе того, что печемся и молвимъ о мнозѣй службѣ, забываетъ поступать по этому спасительному наставленію, то по крайней мѣрѣ теперь при перемѣнѣ годовъ и вѣковъ, когда повсюду подводятся итоги, сдѣлаемъ и мы въ совѣ-

---

*) Извлечено изъ Новогоднихъ размышленій покойнаго Патріарха на 1901 г., въ бытность его епископомъ Сѣверо-Американскимъ.

сти своей обозрѣніе жизни нашей и исполнимъ то, что св. Церковь заповѣдаетъ дѣлать ежедневно предъ отходомъ ко сну.

1) Благодареніе воздаждь Вседержителю Богу, яко дарова тебѣ мимошедшее время, благодатію Своею, въ живыхъ и во здравіи пребыти.

2) Положи слово съ самѣмъ тобою, и испытаніе сотвори совѣсти твоея, преходя и подробно изсчитая и приводя себѣ на память, камо ходилъ еси; что творилъ еси; кому и что бесѣдовалъ еси; и вся твоя дѣянія и словеса, и помышленія со всякимъ опасеніемъ испытай и вспоминай.

3) Аще что благое сотворилъ еси, не отъ себе сіе быти, но отъ самаго Бога, вся благая намъ дарующаго, непщуя, Тому сіе восписуй и благодари; и да тя въ семъ благомъ утвердитъ и прочая совершити пособитъ и даруетъ, молися.

4) Аще что лукавое содѣялъ еси, отъ себе самаго, и отъ своея немощи, или лукаваго обычая и произволенія сіе происходити глаголя, кайся и моли Человѣколюбца, да тебѣ въ томъ прощеніе даровати изволитъ, со обѣщаніемъ твердымъ, яко сего прочее къ тому уже творити не имаши.

5) Со слезами Творца твоего милостива твори, да настоящее время тихое, безмятежное, неблазненное и безгрѣшное даруетъ, на славословіе имени Его святаго.

* * *

ПИСЬМА КЪ МІРЯНАМЪ.

I.

Среди глубокой, мрачной ночи уныло тянутся звучные отклики часовыхъ, прерываютъ ея священную тишину. Ободряетъ, утѣшаетъ часового голосъ его товарища: на душу его дѣйствуетъ благотворно та мысль, то чувство, что есть человѣкъ въ одинаковой съ нимъ долѣ, въ одной участи.

Утѣшителенъ, отраденъ для христіанина голосъ его собрата въ этой тьмѣ и сѣни смертной, въ которой мы совершаемъ наше земное странствованіе, шествуя къ небу. Что скажу вамъ съ отдаленной моей стражи? какую мысль утѣшительную понесутъ къ вамъ мои звуки? — Услышьте то, что и мнѣ доставляетъ особенную пользу; услышьте слова Спасителя, предложен-

ныя Имъ для общаго свѣдѣнія, назиданія, подкрѣпленія всѣхъ странниковъ земли: *"Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши"*. (Лук. XXI, 19).

Ахъ! нужно намъ помнить это наставленіе Спасителя, нужно держаться за него непрестанно, какъ держится слѣпецъ за руку путеводителя; потому что скорби, то и дѣло, передаютъ насъ одна другой, какъ волна волнѣ, — перепродаютъ насъ одна другой, какъ жестокій господинъ продаетъ невольника другому господину, столько же или болѣе жестокому. И когда уже душа и тѣло истончатся скорбями, содѣлаются слабыми, ничтожными подобно паутинѣ, — принимаетъ насъ гробъ! . .

Для преодолѣнія иной скорби нужно мужество; для изшествія изъ другой — мудрость; для избавленія отъ третьей — смиреніи. Но во всѣхъ скорбяхъ, при всѣхъ прочихъ добродѣтеляхъ, непремѣнно нужно терпѣніе. Ни одна добродѣтель не можетъ состояться безъ терпѣнія; добродѣтель, чтобъ пребыть добродѣтелію, нуждается въ терпѣніи. Кто же поколеблется въ добродѣтели, не претерпитъ въ ней до конца, тотъ теряетъ свою добродѣтель. Господь сказалъ о благоугождающихъ Ему, что они *плодъ творятъ въ терпѣніи* (Лук. VIII, 15) повелѣлъ *душу свою стяжавать въ терпѣніи* (Лук. XXI, 19), возвѣстилъ, что *спасется* только претерпѣвый до конца (Матѳ. XXIV, 13).

Вотъ откликъ мой на вашъ призывъ изъ моего уединенія! Да проникнетъ онъ во внутреннюю храмину сердца вашего, да раздастся въ ней, да прольетъ въ ней кроткое утѣшеніе, утѣшеніе, которое подаютъ небесное слово и небесная надежда. Это — голосъ вопіющаго изъ пустыни, молчащаго въ пустынѣ!..

И опять погружаюсь въ мое молчаніе, въ мою даль, въ мою неизвѣстность, темныя, вдохновенныя, какъ ночь глубокая. Такъ молчитъ часовой, вытянувшій свой урочный, заунывный откликъ!

Христосъ съ вами!

II.

Благополучно ли вы совершаете ваше земное странствованіе? Случается человѣку во время этого странствованія заглядѣться на предметы, представляющіеся взорамъ; — Ему кажется: шествіе его въ вѣчности остановилось. Это обманъ

очей души. Мы идемъ и идемъ, — не останавливаемся ни на минуту.

Страннику земному на трудномъ пути его, чтобъ онъ не заблудился, воспѣвается духовная пѣснь. Содержаніе ея: "Воля Божія, святѣйшія заповѣди и велѣнія Божіи". *Пѣта бяху мнѣ оправданія Твоя на мѣстѣ пришельствія моего,* сказалъ вдохновенный Давидъ. Такъ въ здѣшнихъ краяхъ, когда кто заблудится въ лѣсу, — въ сосѣднихъ селахъ звонятъ въ церковный колоколъ — и по звуку колокола заблудившійся выходитъ изъ тёмнаго лѣса.

А что? Обширный, многолюдный городъ имѣетъ въ нѣкоторомъ отношеніи сходство съ обширнымъ лѣсомъ: въ немъ, какъ и въ лѣсу, можно заблудиться . . . Пусть будетъ голосъ мой изъ моего уединенія подобенъ благодѣтельному звону колокола церковнаго: Всегда онъ отдавался душѣ вашей, всегда находилъ въ ней пріютъ. И нынѣ да услышитъ его душа ваша! Услышавъ, да исполнится истиннаго утѣшенія! Думаю: человѣкъ не можетъ ничѣмъ истинно утѣшиться, какъ только воспоминаніемъ о Богѣ. *Помянухъ Бога,* говоритъ святый Давидъ, *и возвеселихся.*

Какъ вѣрно то, что мы должны умереть! что эта жизнь въ сравненіи съ вѣчностію — ничего незначущее мгновеніе! Никто изъ человѣковъ не остался безсмертнымъ на землѣ. А между тѣмъ живемъ, какъ бы безсмертные; мысль о смерти и вѣчности ускользаетъ отъ насъ, дѣлается намъ совершенно чуждою. Это — ясное свидѣтельство, что родъ человѣческій находится въ паденіи; души наши связаны какимъ-то мракомъ, какими-то нерѣшимыми узами самообольщенія, которыми міръ и время держатъ насъ въ плѣнѣ и порабощеніи. Нужно усиліе, постоянное усиліе, борьба съ собою, чтобъ выплыть изъ ужасной темной пропасти ;нужно терпѣніе, чтобъ великодушно перенести всѣ невидимыя душевныя бури. Искушеніе въ умѣ и сердцѣ страшнѣе всѣхъ внѣшнихъ искушеній. Никто такъ не опасенъ для насъ, какъ мы сами. *Бдите и молитесь,* сказалъ Господь, *да не внидете въ напасть.* Бдѣть надъ собою можно только при свѣтѣ Новаго Завѣта. Свѣтъ, при которомъ совершается духовное бдѣніе, изливаютъ изъ себя и писанія свв. отцовъ. Божественное писаніе и отцы непрестанно напоминаютъ намъ Бога, Его благодѣянія, наше назначеніе, будущность вѣчно блаженную и вѣчно несчастную, обличаютъ коварство міра, его козни, показываютъ средства, какъ избѣжать

этихъ козней и войти въ пристанище спасенія.

Пребудьте въ служеніи Богу краткое время земной жизни — и наслѣдуете вѣчность, полную радостей и непрерывнаго наслажденія духовнаго. Надо же наслѣдовать вѣчность!... Не унывайте отъ преткновеній, непогрѣшительность — несбыточная мечта! Преткновенія свойственны всѣмъ человѣкамъ, которымъ, по этой самой склонности къ паденіямъ, повелѣно: *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Претерпѣвый до конца, той спасется.*

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ вами!

1847 г. *Еп. ИГНАТІЙ БРЯНЧАНИНОВЪ.*

Редакція «Православной Руси» усердно проситъ своихъ друзей, подписчиковъ и читателей оказать посильное содѣйствіе въ дѣлѣ распространенія журнала въ его расширенномъ теперь видѣ. Журналъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможностей вести рекламу и даже просто освѣдомлять о своемъ существованіи. Не оставляйте лежать у себя журналъ, знакомьте съ нимъ своихъ друзей и знакомыхъ. Особаго вниманія требуетъ англійское начинаніе нашего журнала, которому мы постараемся дать должную литературную обработку. Продвигайте его въ среду вамъ церковно-близкую, но уже отчудившуюся отъ русскаго языка и съ большей легкостью пользующуюся языкомъ англійскимъ. Не упускайте случая самаго малаго и для того, чтобы удовлетворить, укрѣпить, возбудить интересъ къ Православію у всѣхъ тѣхъ, кто хотя и отчудился отъ Церкви, но не утратилъ съ нею внутренней связи. Этимъ вы поможете и намъ исполнить нашъ миссіонерскій долгъ, и сами заслужите милость у Господа, памятуя слова ап. Іакова: «обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество (своихъ) грѣховъ». (Іак. V, 20).

РАЗЫСКИВАЮТЪ.

ОЛЬГА СТЕЛЬМАНЪ разыскиваетъ своего дядю ГЕОРГІЯ КУЛЬМАТИЦКАГО съ женою ОЛЬГОЮ и двумя дочерьми ВѢРОЙ и НАДЕЖДОЮ.

Лицъ знающихъ что либо о нихъ просимъ сообщить по адресу редакціи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1950-й годъ
НА ДУХОВНЫЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Православная Русь"

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 21-ый.

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ» будетъ выходить попрежнему ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, въ прежнемъ объемѣ и съ прежней программой.

Однако, идя навстрѣчу церковнымъ кругамъ и читателямъ, Редакція вводитъ ПРИЛОЖЕНІЯ, РУССКОЕ И АНГЛІЙСКОЕ.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, книжнаго формата въ обложкѣ (36 стр.), будетъ выходить ежемѣсячно подъ названіемъ:

"ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ".

Въ немъ будетъ помѣщаться литературный матеріалъ церковнаго характера: толкованія основныхъ истинъ Православной Вѣры, объясненія праздниковъ и богослуженія, житія святыхъ, церковно-назидательная беллетристика и поэзія, поучительныя повѣствованія изъ дѣйствительной жизни, прошлой и настоящей и т. д., а равно и ДѢТСКІЙ ОТДѢЛЪ. Текущая хроника и матеріалъ полемическій помѣщаться не будетъ.

АНГЛІЙСКОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, тоже книжнаго формата (16 стр.), будетъ выходить тоже разъ въ мѣсяцъ, подъ названіемъ:

"THE ORTHODOX LIFE".

Оно предназначается для молодого поколѣнія, уже плохо знающаго языкъ своихъ отцовъ, а также и для природныхъ американцевъ, среди которыхъ наблюдается въ настоящее время интересъ къ Православію. Будетъ также и ДѢТСКІЙ отдѣлъ.

Помимо этихъ двухъ приложеній ежемѣсячныхъ, будетъ выпущенъ еще сборникъ богословскаго характера (около 160 стр.) подъ названіемъ:

"ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ".

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на «Православную Русь» съ ежемѣсячнымъ литературнымъ русскимъ приложеніемъ устанавливается для США и Канады ВЪ РАЗМѢРѢ 6 АМ. ДОЛЛ. ВЪ ГОДЪ. Желающіе получать англійское приложеніе доплачиваютъ 1 долл. Равнымъ образомъ, 1 долларъ доплачиваютъ и тѣ, кто хочетъ получить «Православный путь». Такимъ образомъ, годовая подписная плата со всѣми приложеніями будетъ составлять 8 ам. долл.

Лица, не состоящіе подписчиками Православной Руси, могутъ подписаться отдѣльно на «ПРАВОСЛАВНУЮ ЖИЗНЬ», уплачивая 3 ам. долл. въ годъ, на «THE ORTHODOX LIFE», уплачивая 2 ам. долл. въ годъ, и на «Пр. Путь», уплачивая за него 2 долл.

ПОДПИСКА НА «ПРАВОСЛАВНУЮ РУСЬ» БЕЗЪ ЛИТЕРАТУРНАГО РУССКАГО ПРИЛОЖЕНІЯ ПРИНИМАТЬСЯ НЕ БУДЕТЪ.

Для странъ съ низкой валютой устанавливается удешевленная подписка: 4,50 долл. на «Прав. Русь» съ «Православной Жизнью» и 2 ам. долл. на одну «Православную Жизнь».

Подписка принимается и на полгода, въ половинномъ размѣрѣ.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y. U. S. A